

ГОСПОДЬ ДАЁТ НАМ УРОКИ, КОТОРЫЕ НАДО ПРАВИЛЬНО ПОНИМАТЬ

Беседа с протоиереем Александром Ранне, клириком Софийского собора г. Новгород, доцентом Санкт-Петербургской духовной академии

— Отец Александр, не могли бы Вы прокомментировать какие-то острые вопросы, которые начали активно обсуждаться в последнее время, в частности, в связи с письмом еп. Диомиды? Так, вновь поднимается тема экуменизма как «вселенской ереси»...

Прот. Александр Ранне: Что такое вообще экуменизм? Экуменизм не может быть ересью, потому что это не учение, а движение, это поиск единения христиан. Когда мы говорим о единении, мы не говорим, даже и не думаем о каких-то компромиссах, о том, что мы откажемся от истины, найдём какое-то там среднее мнение и на этом построим единство. Нет. Экуменизм — это поиск истины, которую мы одинаково понимаем. Но не так-то просто найти эту истину, которая в полном смысле содержится в Церкви, раскрыть её для себя и для других.

Конечно, с моей точки зрения, единство, о котором молился Господь наш Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве перед страданием, — это огромный дар, и он даётся от Бога, но только он даётся тем, кто к этому единству искренне стремится, кто его хочет. Если люди этого единства не хотят, то как Бог может дать им его? Если мы посмотрим на все униатские соборы — ливонский, флорентийский, брестский: разве там было желание единения? Там было желание спастись от турок, захватить власть и т.п. Ну и как там могло что-нибудь получиться? Не могло. Так что когда и в других конфессиях, и у нас будет желание единства в любви, желание объединиться с братьями, тогда Господь и даст нам это единство. А пока — что нам об этом говорит!

Важно ещё учитывать и то, что в подобных вопросах всегда может быть два подхода. Одни всегда будут говорить и искать, что «у них» не так, что плохо. Но можно делать и по-другому — пытаться понять, оправдать, найти какие-то возможности, зацепки какие-нибудь, чтобы смягчить разногласия.

Помните, как слово «дьявол» переводится на русский язык? Это обвинитель — тот, кто обвиняет. Кого он обвиняет? Он обвиняет человека (как, скажем, в первой главе книги Иова) в том, что тот плохой. Зачем? Чтобы сказать: Бог плохой, и значит, он — не Бог. Так что в основе такого обвинения лежит атеизм. Христос же — это Тот, Кто пришёл спасти, оправдать. Так что мы должны выбрать, на чьей стороне мы остаёмся. Это, конечно, не значит, что мы должны не замечать явных грехов, явного ухода от истины. Это невозможно. Грех должен называться грехом. Мы не можем честить просто особенностями западного менталитета, например, насильственное внедрение толерантности к гомосексуализму. Грех есть грех всегда. Но в то же самое время есть разница в том, как мать относится к своему сыну-грешнику — и сосед к её сыну-грешнику. Это разное отношение. Она скажет: «Он всё-таки хороший, он, конечно, согрешил, но я ведь его знаю ещё ребёнком, у него нутро хорошее». Она будет всячески смягчать, пытаться оправдать. А сосед скажет — «да знаю я его, носился с детских лет всюду, пьянствовал, в тюрьму его скорее, и всё».

Мы как христиане должны понять, какими мы должны быть по отношению к другим людям, тем более христианам. Поэтому надо быть спокойными и в разговоре с теми, кто, с нашей точки зрения, занимает неправильную позицию. Нужно попытаться их понять и своим терпением смягчить их оппозицию. Другого выхода нет. Надо с терпением пытаться объяснять, научить, дать понять, а иногда и промолчать, чтобы человек, в жизни испытав плоды своей неправды, что-то сам понял.

Ну и, конечно, в нашей истории много такого, что является уроком для нас в этом отношении. Приведу лишь один пример. У нас есть прихожанка, Мария Петровна, её крестным отцом был митрополит Иосиф Петровых, мученик, он причислен к лику святых.

У Марии Петровны была очень религиозная семья. Они были очень богатыми, держали свои магазины. И, конечно, по окончании НЭПа всю семью арестовали, и они с мамой остались вдвоём. У них отобрали всё — не только магазины, но и дом, в котором они жили, и они остались на улице. Так вот, их никто не взял к себе, только одна польская семья, католики. Я не хочу сказать, что все православные плохие, но бывает и так. В жизни, которая очень сложна, Господь даёт уроки, которые надо правильно понимать и анализировать, и в самом деле человек должен быть другом ближнему, вот и всё.

А сегодня вокруг всего этого очень часто начинается политическая игра. Может быть, еп. Диомид и не думал ничего особенного, просто его подставили. Нужно иметь в виду, что мы живём в очень страшном греховном мире, который весь переплетён этим мёртвым политиканством. Да, кому-то очень хочется, чтобы мы в церкви не соединились, а разъединились. А нам надо быть едиными.

— Есть сторонники разного подхода к миссии среди молодёжи. Есть люди, которые считают, что нужно не то чтобы внедряться в современную молодёжную среду, но буквально использовать характерные для неё сленговые обороты речи и т.п. Как Вы к этому относитесь?

О. Александр: Я отношусь к этому отрицательно. Наоборот, наверное, надо каким-то образом через личный пример сказать, что можно и по-другому жить в том, что касается и молодёжных тусовок, и этих слов не очень хороших, и этой музыки. Ну зачем, если меня от этой музыки тошнит, я пойду туда?

— Говорят, что если молодёжи это более понятно, то, может быть, стоит и самому как-то пытаться говорить на их языке?

О. Александр: Нет, это не тот язык. Что такое вообще язык? Язык бывает разный — медицинский, философский, уличный и так далее. А надо говорить на языке сердца. Господь ведь нас слышит не на французском, итальянском или на медицинском. Он слышит наше сердце. Вот так и с молодёжью надо говорить — не на извращённом языке, а на простом русском языке, и если это будет искренний язык, я думаю, они его поймут. А если стараться некоторым образом «подлизываться» к ним, я думаю, они сами не будут вас уважать. Представьте: приходит священник в рясе и начинает что-то говорить на жаргоне. Я этого не понимаю. Надо всегда быть самим собой, просто надо быть искренним, нужно быть интересным для молодёжи, хотя зачастую и непонятно, как это сделать. Что, Христос приспособлялся к языку фарисеев, что ли? Не приспособлялся. А ведь фарисей — это был человек своеобразный. Но Христос действительно оставался самим собой. Конечно, с другой стороны Вы можете привести мне пример апостола Павла, который в Ареопаге пытался говорить на языке философов. Но все-таки это нечто другое, специфическое, не относящееся к моральному уровню. Все-таки язык молодёжи — он часто безнравственен, прямо сказать, ну, нельзя на нём говорить.

Продолжение на с. 2

12 (70)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

СЕНТЯБРЬ
2007

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

в номере:

Нужна ли обществу христианская соборность?

Этот вопрос обсуждали на своём семинаре члены московского Свято-Георгиевского братства и Свято-Павловского братства из г. Электросталь совместно с

представителями старообрядческой церкви. С. 4

Я вижу солидарность в маленьких обществах

Интервью с доцентом Свято-Филаретовского института и РГГУ А.И. Шмаиной-Великановой. С. 4

Не надо спасать страну, надо спасать людей —

считает В.П. Аверчев, депутат Госдумы первого и второго созывов. С. 5

О русской богословской традиции

продолжение беседы с прот. Михаилом Меерсоном. С. 6-7

Он ждал от своих учеников готовности служить Церкви

Протоиерей Александр Ранне рассказывает о митрополите Никодиме (Ротове). С. 7

Борьба со злом — мирная и непримиримая

на с. 8 мы вновь после долгого перерыва публикуем книжное обозрение

В «Миссионерском обозрении» — статья

известного историка М. Шкаровского о миссионерстве Русской православной церкви в XX веке и новости

Господь даёт нам уроки, которые надо правильно понимать

Продолжение беседы. Начало на с. 1

— У нас несколько лет назад была конференция, посвящённая языку церкви. Понятно, что есть проблема языка богослужения, проблема перевода, но интересно, что главный тезис, который прозвучал на этой конференции, — это то, что язык церкви — это язык не русский или церковнославянский, это язык любви. То, что Вы сейчас сказали, мне кажется, очень созвучно этому тезису.

О. Александр: Да, конечно! Что же касается богослужебного языка, я просто своё видение скажу. Я не считаю, что нужно переводить богослужение на современный русский язык. Слишком много теряется очень красивого и глубокого. Но в то же время язык должен постоянно развиваться и быть прозрачным для понимания, это очевидно. Здесь нужны очень талантливые люди, которые бы касались языка таким образом, чтобы не испортить его, чтобы не трогать то, что слишком красиво, но, тем не менее, приблизить его к пониманию.

— Я заметил, что Вы во время службы проводите небольшую русификацию, например, произносите не «Спаси», а «Спаситель» и т.п.

О. Александр: Да, я это делаю иногда и в других местах, при чтении Евангелия ввожу какие-то русские слова, чтобы сделать текст более понятным. Для меня главное — постараться донести содержание. Ведь можно и по-русски прочитать так, что человек ничего не поймёт, а можно по-церковнославянски с маленькой корректурой прочитать так, что всё будет ясно. Это очень важно, это вопрос очень живой и животрепещущий, им надо заниматься. Но резкие движения, по-моему, не нужно делать.

— Батюшка, а как Вы относитесь к библейским переводам Сергея Сергеевича Аверинцева?

О. Александр: Мне больше нравятся псалмы в его переводе, но и переводы Евангелия очень хорошие. Вопрос в том, чтобы такие переводы были адаптированы к церковной жизни, к церковному сознанию. Но пока у нас ещё церковное сознание не очень развито, поэтому, когда что-то происходит, мало кто знает об этом. Разговор о том, хорош ли перевод, какие места удачные, какие места неудачные, должен вестись, но он должен вестись нормальным языком.

— Если вернуться к проблеме миссии среди молодежи — не могли бы Вы рассказать, что делается для этого в Новгороде?

О. Александр: При каждом приходе есть воскресная школа, большой частью которой является молодёжная группа. В каждой группе есть своё направление деятельности. Здесь, в Софийском соборе, ребята в основном поют в хоре. Правда, здесь начальник воскресной школы — регент собора. Ещё они выпускают газету сами, выезжают в летний лагерь. Наверное, Вы знаете, что в Софийском соборе была чрезвычайно богатая древними рукописями библиотека, которая сегодня находится в разных фондах, и, собственно не существует как историческая единица. Но мы начали собирать книжки для прихожан, устроили небольшую библиотеку, и ее смотритель, Маргарита Евгеньевна, тоже занимается молодёжью, ставит праздничные спектакли, которые обычно в помещении библиотеки и проходят.

В других приходах направленность работы может быть несколько другой. Скажем, в Покровском соборе каждый год устраивают для всех воскресных школ соревнования по футболу. В Успенской церкви молодёжная группа любит в походы ходить, на плотах по Мсте или еще куда-нибудь. Есть еще 20-я школа, православно ориентированная. Они ездят в паломнические поездки, для мальчиков есть военно-патриотический лагерь.

Главное, в чём задача, — чтобы они росли при церкви вместе. Ничего не надо выдумывать, надо, чтобы им было друг с другом интересно, но при церкви, а не где-то в другом месте.

Правда, к сожалению, молодёжь активной, такой, которая бы горела желанием что-нибудь придумать, в чём-нибудь участвовать, сейчас, конечно, мало. Редко попадают люди, бурлящие инициативой. Мы всё-таки больше — обломовы, в Новгороде это особенно чувствуется, болото кругом.

— По Вам не скажешь.

О. Александр: А я из Петербурга.

Продолжение беседы на с. 7

НОВЫМ ПАТРИАРХОМ РУМЫНСКИМ ИЗБРАН МИТРОПОЛИТ МОЛДОВЫ И БУКОВИНЫ ДАНИИЛ

Выборы патриарха Румынского, кафедра которого вдовствует с момента кончины патриарха Феоктиста 30 июля с.г., состоялись в Бухаресте 12 сентября. После нескольких туров голосования, как сообщает Служба коммуникации ОВПС МП, коллегия выборщиков, состоящая из 180 епископов, клириков и мирян, из трех кандидатов, выдвинутых Священным Синодом Румынской православной церкви, избрала предстоятелем Румынской православной церкви митрополита Молдовы и Буковины Даниила.

Другими кандидатами были митрополит Вадский, Фелякский и Клужский Варфоломей и епископ Ковасненский и Харгитский Иоанн.

Новоизбранный патриарх Румынский Даниил (Чоботя) родился 22 июля 1951 года в Румынии. В 1970-1974 годах учился в Богословском институте в Сибиу, после чего поступил на богословский факультет Страсбургского университета (Франция), а затем — университета во Фрибурге (Германия). В 1979 году был удостоен степени доктора богословия Страсбургского университета, а в 1980 году — степени доктора богословия Богословского института в Бухаресте. В 1980-1988 годах преподавал в Экуменическом Институте в Боссе (Швейцария), заместителем директора которого он являлся с 1986 по 1988 год. В 1988-1990 годах состоял советником Патриарха Румынского по вопросам экуменизма. 4 марта 1990 года хиротонисан в викарного епископа архиепископии Тимишоара, и вскоре возведен на кафедру архиепископа Ясского, митрополита Молдовы и Буковины. С 1992 года является профессором Богословского факультета в Яссах.

Полный титул: «Блаженнейший Даниил, Архиепископ Бухарестский, Митрополит Мунтенский и Добруджийский, Наместник Кесарии Каппадокийской, Патриарх Румынский».

В ГНЕЖНО ПРОШЕЛ ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ СЪЕЗД «ЧЕЛОВЕК — ПУТЬ ДЛЯ ЕВРОПЫ»

Съезд в Гнежно, городе, который поляки считают местом, где началось распространение христианства в Польшу, проводится уже несколько лет подряд. Его организует польская католическая церковь; в этом году на съезд были приглашены не только христиане разных конфессий и деноминаций, но также и представители иудаизма и ислама.

Координатором российской группы была Карина Черняк.

Съезд открыл архиепископ Хенрик Мушинский. Он поставил основные проблемы, касающиеся положения человека в Европе. Они связаны с эпохой глобализации, потерей Европой христианских ориентиров. Православный архиепископ Иеремия, к сожалению, приехать не смог, но он прислал письменное приветствие участникам съезда.

Попригласив и поздравив участников конференции приехал президент Польши Лев Качиньский. В своём выступлении он отметил важность поставленной организаторами проблемы, подчеркнул необходимость и актуальность межконфессионального и межрелигиозного диалога.

В съезде принимали участие видные политические деятели, католические, протестантские, мусульманские и иудейские богословы. В их числе: президент Польши Лев Качиньский, президент Европарламента проф. Ханс-Герт Поттеринг, кардинал Таризио Бертоне, президент пражской христианской академии проф.-свящ. Томаш Галик, раввин Ирвинг Гринберг, известный мусульманский учёный, профессор Оксфордского университета Тарик Рамадан, глава Марфилдского института высшего образования Атаулла Сидлики, проф. Мартин Хонеккер (Евангелическая церковь, Бонн), основатель общин «Вера и свет» Мари-Элен Матте, ректор Львовского католического университета свящ. Борис Гудзяк, профессор Свято-Тихоновского православного университета (Москва) Борис Филиппов.

На съезде были поставлены вопросы о необходимости сотрудничества представителей разных христианских конфессий, а также представителей разных религий, говорилось о принципах экуменического диалога, о необходимости сотрудничества и координации миссионерской и благотворительной деятельности.

Работа съезда проходила в разных формах. Помимо докладов, которые слушали все участники съезда, участники встречались в группах и семинарах.

На съезде были обсуждены проблемы антропологии в христианстве, исламе и иудаизме; проблемы работы с детьми и молодёжью; проблемы взаимоотношений разных стран Европы друг с другом; проблемы отношения к человеку как таковому, с этим связанные. Отдельно обсуждались проблемы биоэтики, проблемы влияния масс-медиа на человека. В рамках съезда состоялась отдельная встреча, посвящённая осмыслению опыта Холокоста и ГУЛАГа.

Большое значение на съезде уделялось молитве. В первый день вечером состоялось шествие с молитвами на разных языках. Шествие напоминало православный крестный ход, в нём принимали участие жители города Гнежно. Начавшись в гнезненском кафедральном соборе в 21 час, молитвенное шествие закончилось далеко за полночь. В завершение съезда также звучала общая молитва. Звучали молитвы на большинстве европейских языков, в том числе и на русском.

В числе докладов, завершающих съезд, особо обратил на себя внимание доклад профессора Ханса-Герта Поттеринга, президента европейского парламента. Докладчик с величайшим тактом, но также и достаточной определённою обозначил большую часть проблем, связанных с положением человека в странах Евросоюза. Будучи католиком, Поттеринг особо отметил тот факт, что Европа сформировалась на религиозных ценностях; в первую очередь христианских. Он предложил включить это в конституцию Евросоюза. Одной из первых задач Евросоюза Поттеринг объявил создание мира и единства между странами-участниками.

Отдельного внимания, на мой взгляд, заслуживает тот образ единства, который предлагается этим стра-

нам. Они должны быть включены в Союз, не теряя ни собственного лица, ни того уникального опыта, который каждая из стран имеет. Евросоюз должен охранять права всех своих членов. В связи с этим докладчик отдельно коснулся проблем Польши (в том числе отношений Польши с США, а также последних встреч президента Польши (участника съезда) с президентом ряда европейских стран). Была затронута и проблема взаимоотношений Польши и России.

Много и подробно говорилось о падении берлинской стены, о падении СССР и других тоталитарных коммунистических режимов. То, во что с трудом верилось ещё 20 лет назад, произошло достаточно быстро, и это вселяет надежду на то, что и другие проблемы нынешней Европы также могут быть разрешены.

Съезд прошёл очень динамично и насыщенно. Заседания начинались в 8 утра, а заканчивались иногда за полночь. Участники съезда, принадлежащие к разным христианским конфессиям и даже к разным религиям, три дня интенсивно общались и обменивались опытом.

Давид-Амир САДУР, участник съезда

БЫВШИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ НАМЕРЕН ОСПОРИТЬ РЕШЕНИЕ О ЛИШЕНИИ ЕГО СВЯЩЕННОГО САНА

На имя архиепископа Оттавского и Канадского Серафима, секретаря Священного Синода епископов Православной Церкви в Америке, поступило письмо от бывшего протопрезвитера Роберта С. Кондратия, датированное 26-м августа.

В письме бывший управляющий делами ПЦА официально уведомляет о своём намерении подать апелляцию в связи с решением церковного суда от 31 июля этого года о лишении Кондратия священного сана.

Роберт Кондратик не уточнил, на каком основании он намерен оспорить решение суда, сообщая официальный сайт ПЦА.

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ НАЧАЛСЯ ДВАДЦАТЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

9 сентября в Свято-Филаретовском православно-христианском институте состоялось открытие 20-го учебного года. В 1988 году, еще в советских условиях, диакон (в настоящее время — священник) Георгий Кочетков основал и возглавил работавшую неофициально Московскую высшую православно-христианскую школу. В 1994 г. она приняла имя свт. Филарета Московского (еще до его канонизации), а в 1995 г. была переименована в Свято-Филаретовский православно-христианский институт. Институт вырос из необходимости давать духовное образование всем взрослым православным христианам, поскольку в советское время такой возможности не было, и в любое время могли быть закрыты даже имевшиеся духовные школы. В настоящее время СФИ представляет собой негосударственное некоммерческое высшее богословское учебное заведение, в котором учатся более 200 студентов и работают около 40 профессоров и преподавателей. При институте действуют богословские колледжи (около 300 учащихся).

Перед началом занятий в 20-м учебном году сотрудники, преподаватели и студенты СФИ традиционно собрались на общую молитву. В своей проповеди ректор о. Георгий Кочетков подчеркнул: «Духовное образование принципиально отличается от образования светского, и мы должны быть другими, если хотим это образование получить. Если мы захотим учиться так, как учились прежде в высших светских учебных заведениях, у нас ничего не получится... Люди, получающие духовное образование — это те, кто знает, что надо воплощать в жизни духовные начала, которые Господь им уже дал через воцерковление, через откровение Божьей Воли и Божьей Любви, через при-

общение к благодати всем своим сердцем, всеми своими мыслями, всей своей крепостью... это те, которым Господь «говорит в темноте», а они готовы повторить это «при свете дня», которые могут понять всех и умеют говорить на всех языках, которым внимает сердце современного человека».

Продолжился вечер поздравлением первокурсников и студентов других курсов богословского и религиозно-педагогического факультетов, а также всех, поступивших и обучающихся в богословском колледже при СФИ.

Как всегда в начале учебного года для присутствующих была прочитана лекция. Магистр богословия, канд. пед. наук проф. А.М. Копировский подробно раскрыл тему «Человек в византийском искусстве». Лекция сопровождалась показом слайдов и вызвала большой интерес слушателей.

В МОНАСТЫРЕ БОЗЕ (ИТАЛИЯ) ПРОШЕЛ XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОСТИ

В старинном монастыре Бозе на севере Италии в 15-й раз собрался Международный экуменический симпозиум, посвященный православной духовности, сообщает Патриархия.ru со ссылкой на ИТАР-ТАСС и Радио Ватикана.

Организованный под патронатом Константинопольского и Московского патриархатов, симпозиум является продолжением многолетней традиции межхристианских встреч священников и богословов.

Участникам встречи предлагается возможность братского обмена и размышления о главных темах духовной жизни, в особенности там, где переплетаются восточные и западные традиции, затрагивающие самые глубокие чаяния современного человека, в том числе проблему сохранения христианских корней Европы, говорится в сообщении.

В симпозиуме традиционно участвуют видные деятели Католической, Православной и протестантских церквей.

В состав делегации Русской православной церкви вошли: глава делегации епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх, преподаватель МДА иеромонах Евфимий (Моисеев), профессор МДА В. Кириллин, сотрудники Отдела внешних церковных связей А. Долгов и М. Перушин. Приветствие участникам симпозиума направил Патриарх Алексий II.

Римско-Католическую церковь в этом году представлял влиятельный член курии кардинал Акилле Сильвестрини, бывший руководитель канцелярии по ритуалам Восточных Церквей, апостольский нунций в Москве, архиепископ Антонио Меннини, недавно награжденный патриархом Московским и всея Руси Алексием II церковным орденом святого благоверного князя Даниила Московского, и сотрудники Палатского совета по содействию христианскому единству.

В работе симпозиума принимал участие проректор Свято-Филаретовского православно-христианского института Д.С. Гасак.

В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРЕДЛАГАЮТ РАЗРАБОТАТЬ НОВЫЙ, НРАВСТВЕННЫЙ, БАЗИС МЕЖХРИСТИАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

«Мы стоим перед лицом новых разделений в христианской семье, особенно разделений в области морали», — заявил глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл на брифинге в перерыве проходившей в Румынии 4-9 сентября III Европейской межхристианской ассамблеи.

По его мнению, настало время для новой самооценки движения за христианское единство. Базис Всемирного совета церквей, который предполагает веру в Святую Троицу, при всей его важности, не предотвращает сегодня новых разделений, считает иерарх.

В связи с этим митрополит спросил собравшихся

на форуме представителей разных христианских конфессий, «почему мы избегаем идеи греха».

«В чем состоит христианское послание без упоминания идеи греха? Эта идея, которая не принимается либеральной философией и политикой, является фундаментальной для христианства. Современный мир услышит нас лишь в том случае, если Церкви сумеют послать нынешней цивилизации правильный сигнал», — отметил представитель Московского патриархата.

По мысли митрополита Кирилла, этот сигнал должен быть созвучен апостольской традиции, которая по-прежнему присутствует в Европе, несмотря на многие исторические перемены.

В БЕЛГОРОДЕ ПРОЙДЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ВРАЧЕЙ

Местом его проведения станут Белгород и пос. Прохоровка.

Участникам съезда предстоит обсудить и принять учредительные документы Общества, избрать руководство новой организации, обменяться опытом и мнениями по поводу широкого круга актуальных проблем медицины.

В работе съезда православных врачей заявлено уча-

стие 3-х архиереев Русской Православной Церкви — постоянного члена Священного Синода митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова), руководителя Синодального отдела благотворительности и социального служения митрополита Воронежского Сергия (Фомина) и правящего архиерея Белгородской епархии, руководителя Синодального миссионерского отдела архиепископа Иоанна (Попова).

В Санкт-Петербурге почтили память митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова)

5 сентября 2007 года исполнилось 29 лет со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова). Владыка Никодим почил на 49 году жизни от сeldного инфаркта.

В Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры была совершена заупокойная Литургия и панихида по почившему, по окончании которых у могилы митрополита Никодима на Никольском кладбище состоялась лития.

Почтить память видного иерарха Русской Православной Церкви прибыли митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, архиепископ Берлинский и Германский Феофан, архиепископ Новгородский и Старорусский Лев, архиепископ Уральский и Гурьевский Антоний.

По окончании Литургии митрополит Ювеналий обратился к духовенству и молящимся со словами скорби о безвременном ушедшем владыке: «В день кончины владыки Никодима хочется помолиться там, где он был митрополитом и нашел место своего упокоения».

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий возглавил служение панихиды по митрополиту Никодиму.

В этом номере на с. 7 мы публикуем воспоминания прот. Александра Ранне о митр. Никодиме

В Москве и Подмоскowie прошли II Меневские чтения

Чтения открылись 10 сентября в поселке Семхоз Московской области — здесь жил и был убит 9 сентября 1990 года протонерей Александр Мень.

Конференции предшествовала заупокойная лития, которую возглавил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Богослужение проходило в храме прп. Сергия Радонежского, построенном на месте гибели священника.

В слове перед началом литии митрополит Ювеналий сказал, что уже 17 лет он, следуя традиции молитвенного поминовения, посещает места, связанные со служением и гибелью о. Александра Менья. И каждый раз «на душе у нас тихо, легко и мирно, потому что мы вспоминаем служителя алтаря Господня, который до последнего трагического момента своей жизни в тяжелых внешних условиях того времени ревностно осуществлял свое пастырское служение», отметил архиерей.

«Хочется напомнить, что на Руси всегда была традиция по случаю различных значимых событий ставить памятники в виде храмов Божьих. И мы сегодня собрались в этом памятнике церковном, чтобы вознести наши горячие молитвы о упокоении убиенного протонерей Александра. Это чувство единения и непрекращающегося общения подтверждает то, что всегда в этот день, когда мы отмечаем его память, приходят люди, неравнодушные к его подвигу...» — сказал митрополит Ювеналий.

По окончании литии в культурном центре «Дубрава» митрополит открыл II Меневские чтения, посвященные в этом году теме «Православная педагогика».

В своем приветственном слове митрополит Ювеналий говорил об о. Александре как об «увлеченном церковным учением, пламенном проповеднике и замечательном педагоге», благодаря пастырским трудам которого «множество людей в годы безбожной власти обрели веру во Христа и стали чадами Русской Православной Церкви».

В самом начале своего выступления митрополит также сказал несколько теплых слов о недавно ушедшем из жизни ученике о. Александра — священнике Георгии Чистякове. «Глубоко скорблю, что сегодня с нами нет о. Георгия Чистякова — самоотверженного священника, известного ученого, человека доброго и любящего сердца. Вечная ему память!» — возгласил архиерей.

Митрополит Ювеналий сделал доклад о традициях и задачах православной педагогики, подчеркнув, что в наше время каждый священник просто «обязан быть педагогом» и использовать для просветительской миссии весь диапазон возможностей: это и проповеди, и духовные беседы с людьми, и работа в образовательных учреждениях, как духовных, так и светских, выступления по телевидению и радио, публикации в печати. Однако «масштабность стоящих перед Церковью задач непосильна одному лишь духовенству», поэтому выступавший призвал к объединению усилий клира и педагогического сообщества. В качестве примера такого сотрудничества епархии и местной администрации он привел школы Подмоскowie, где почти повсеместно введен факультатив по основам православной культуры, а с этого учебного года появился еще один предмет — «Духовное краеведение». Создаются также православные курсы, адресованные родителям, т.к. «на педагогическом воздействии нуждается семья в целом». Православная педагогика в наши дни «одновременно и традиционна, и современна»; она должна «стремиться отвечать на сложные вопросы современности».

«Нужна ли обществу христианская соборность?»

Этот вопрос обсуждали на своем семинаре 17.08.2007 г. члены московского Свято-Георгиевского братства и Свято-Павловского братства из г. Электросталь совместно с представителями старообрядческой церкви. В обсуждении также приняли участие кандидат исторических наук О.Л. Шахназаров и публицист Борис Колымагин.

Известно, что термин «соборность» понимается по-разному. Однако отправной точкой данной дискуссии, пожалуй, можно было назвать общее понимание соборности в хомьяковском духе — как качества внутренней жизни Церкви, общения в любви, дающего возможность единства во множестве без «подчинения личного общему» — выраженная этой заковычатой фразой трактовка соборности, звучащая порой и с официальной церковной трибуны, была подвергнута здесь критике. Единными оказались участники семинара и в том убеждении, что слияние церкви с государством приводит к умалению в ней соборности, а потому, по прозвучавшему высказыванию известного деятеля московского старообрядчества М.А. Дзюбенко, выражение «христианин-государственник» должно быть отнесено к противоречивым понятиям, таким, как, скажем, «горячий лед».

Ситуация с церковной соборностью обсуждалась на примере опыта обеих церквей — Русской православной церкви Московского патриархата и старообрядческой. Что касается первой, говорили о тенденции увеличения единоличной власти епископов, четко отражающейся в последние годы и в нормативных документах РПЦ (здесь был использован анализ, проведенный прот. Павлом Адельгеймом). Оценивая эту тенденцию как явно недолжную, некоторые участники дискуссии, тем не менее, отмечали сложность момента, выражающуюся в том, что в условиях несправедливости верующего народа власть епископа может быть единственным препятствием на пути проявлений агрессивного мракобесия вроде неслыханной войны с ИНН.

Со своей стороны, старообрядческие участники дискуссии говорили о принципиальной чуждости для их церкви деления на «церковь ушачую» и «церковь учащуюся» (для РПЦ, по их мнению, характерна даже на уровне вероучения) и о существующем в их церкви опыте активности мирян и выборности церковной власти. Интересно было услышать самоопределение старообрядцев как носителей аутентичных европейских традиций внутри России — среди этих традиций назывались твердость нравственных принципов, в том числе верность своему слову (отсюда и известные успехи дореволюционного старообрядческого предпринимательства) и тяготение к республиканской форме управления, зиждущейся на этой прочной этической основе. Этический акцент, поставленный в связи с темой соборности, тут же был отмечен как весьма важный — ведь автор термина «соборность» Хомяков, прозрев соборное единство как качество подлинной христианской жизни, при этом не фокусировал внимания на отдельном человеке, на том, как стремление к единству осуществляется на уровне ответственности, свободы и этического выбора личности (не этим ли объясняется допущенная им известная идеализация русского народа и русского крестьянства как носителя соборности?). Кстати, мотив того, что подлинная соборность всегда начинается с уровня личности, с ответственности каждого члена церкви, звучал на семинаре не раз.

Отдавая должное развитию в старообрядчестве ряда соборных начал, достаточно впечатляющему на фоне реалий РПЦ, нельзя, тем не менее, не иметь в виду того факта, что эти начала работают в достаточно замкнутой религиозно-культурной среде и во многом ею же и обусловлены. Кстати, сложилось впечатление, что старообрядцы не скрывают своего самоощущения как острова истинной веры в отступившем от христианства мире. Иное положение у тех христиан, для которых границы ответственности принципиально шире области их частной идентичности и которые, стремясь не сообразоваться с веком сим, все же ощущают себя причастными к судьбам мира (с его, к тому же, все более размыкающимися сегодня границами всевозможных «идентичностей» и «аутентичностей»). Для таких христиан соборность, в духе В.С. Соловьева, неотделима от вселенскости, кафоличности и, так или иначе, ее критерии усложняются. Чем, в таком случае, является соборность: недостижимым идеалом, к которому можно лишь стремиться; уделом отношений «двоих или троих», или же все она же возможна в масштабе заметных церковных объединений? Этот вопрос был поставлен на семинаре, и не случайно остался открытым и другой вопрос — тот самый, что был поставлен в заглавие семинара: о востребованности христианской соборности обществом в целом. В самом деле, как на него отвечать при такой трудноуловимости самого понятия соборности? Тем более, что, по крайней мере внешне, картина такова, что не общество заимствует нечто из сложившихся в церкви реалий, а скорее наоборот. Ведь те же сторонники соборности внутри церкви в целом неизбежно связывают ее с принципами и процедурами, выработанными обществом с целью ограничения авторитарной власти: выборностью, разделением и независимостью властей, публичностью, так что прословутое «в Церкви нет демократии» в устах защитников соборности звучало бы по меньшей мере проблематично. Кто же кому больше нужен: церковь обществу или общество церкви? И не приходим ли мы, в конечном итоге, ко все тому же непростому вопросу об их границе?.. Подобные встречи провоцируют такого рода размышления и этим плодотворны. Вполне естественно, что все участвующие в семинаре стороны высказали желание продолжить дискуссию.

Мы продолжаем обсуждение тем, поднятых на конференции «Христианская соборность и общественная солидарность» (Москва, 16-18 августа 2007 г.). В прошлом номере «Кифы» основное внимание было уделено ходу конференции — прозвучавшим на ней докладам, состоявшимся в ее ходе семинарам и дискуссиям. Сегодня на первом месте — отклики участников конференции на одну из основных тем конференции: общественная солидарность и ее живые проявления в истории и современности.

Я ВИЖУ СОЛИДАРНОСТЬ В МАЛЕНЬКИХ ОБЩЕСТВАХ

Интервью с доцентом Свято-Филаретовского института и РГГУ
А.И. Шмаиной-Великановой

— Анна Ильинична, видите ли Вы примеры солидарности в обществе сегодня? На каких духовных, культурных, социальных, экономических основаниях может создаваться в наше время общественная солидарность? Какими могут быть ее адекватные формы?

А.И. Шмаина-Великанова: Если понимать общество широко, то я не вижу никакой солидарности в обществе сейчас, а только антисолидарность. Как говорит Ольга Александровна Седлакова, «в этой скорбной школе блажен, кто не учился до конца». Россия, наше общество пробегает школу и западную, и постсоветскую, и эмигрантскую (в некотором смысле эмигрировав из своего культурного пространства) за очень короткие сроки. На мой взгляд, все минимальные формы общественной солидарности, которые все-таки присутствовали в 90-е годы, совершенно разрушаются.

Но, с другой стороны, я вижу солидарность в маленьких обществах. Формы этой солидарности, как мне кажется, именно локальные и лучше всего возникают на профессиональной почве. Для меня самый яркий пример солидарности, относящийся уже ко второй половине 2000-х годов — это существующий уже лет пять или даже больше семинар Нины Владимировны Брагинской. Недавно в интернете появилось ее интервью по этому поводу под названием «Своя корысть», где она описывает наш семинар как некоторое солидарное общество. В нем есть несколько известных ученых, в первую очередь она сама, конечно, несколько студентов второго курса РГГУ и МГУ, которые, по сути, делают одно и то же вместе. У нас была однодневная конференция, на ней было 12 докладов, они были выстроены, в сущности, как один доклад в 12 частях, и его делали профессиональные ученые и студенты второго курса, которых не знает никто — на равных. И настолько, мне кажется, это мало известно, мало понятно, что многие коллеги пришли только на Нинин доклад или только на мой, потому что они думали, что студенческие сообщения ничего не значат. И в результате они ничего не поняли, потому что мы — вместе, и это нельзя разорвать. Этот семинар включает в себя обязательное совместное еду. Так стихийно сложилось. У него нет определенного срока по времени: с семи вечера и пока не выгонят из здания. Мы приносим еду и в складчину едим. Мы вместе празднуем все праздники. Началось с Нового года, а сейчас уже все дни рождения обязательно отмечают. На семинар приходят все, кто хочет, но надо много работать, заохотан на нем быть не может, пропустив два занятия, человек теряет нить работы. Мне кажется, что там тоже есть свои трудности, но это модель, по которой солидарность может осуществляться.

Второй пример — Независимый математический университет под руководством Михаила Анатольевича Цfasмана, моего стариннейшего друга, и его коллег. Там такой же принцип — всемирно известные ученые и студенты, а иногда и не студенты, а просто странные никому не ведомые люди делают одно дело: занимаются чистой, бескорыстной наукой.

И я вижу, что сейчас для солидарности церковь стала довольно плохим местом. Как выражалась наша кухонная соседка в коммунальной квартире: «Вы, я смотрю, профессионально верующие». Так вот, сегодня «профессионально верующих» либо мало, либо они развращены структурой. А «непрофессионально» верующие, т. е. абсолютное большинство людей, не получают в своей церковности достаточных оснований для этой маленькой солидарности. Поэтому мне кажется, что основанием для нее сейчас бывает высокопрофессиональная деятельность и ясное сознание необходимости этой бескорыстной деятельности.

— В этом году исполнилось 70 лет начала массовых репрессий 1937 г. Как Вы считаете, можно ли говорить сегодня о необходимости несения ответственности церковью и обществом за злодеяния советского прошлого? Кто должен нести эту ответственность? В чем она может выражаться?

А.И. Шмаина-Великанова: Я думаю, что надо разграничить понятие ответственности и понятие покаяния, которые часто смешивают. Покаяние —

это таинство. Каяться человек может перед Богом только в том, что он сам совершил; он может в этом таинстве получить отпущение грехов и с помощью Божией больше не делать того, что делал раньше. Поэтому когда говорят о всероссийском покаянии общества или церкви — это просто не точно. Но ответственность — это совершенно другое дело. Мы все несем ее просто потому, что история не кончилась. И эту ответственность мы несем не только за названные вами события. Хотя в первую очередь за них, потому что то произошло их осознания, а сейчас происходит официальный откат в этом: то внук Берии что-то напишет, то сын Сталина выскочит. Я не против того, чтобы они жили, не надо их варить в кипящем масле, но они должны прятаться по углам, опасаться здоровья, а вместо этого они ходят по воле гололем, что говорит о том, что никакой ответственности никто не берет. А между тем, она лежит на людях независимо от того, берут они ее или нет. В чем она должна выражаться? Это очень просто. Я удивляюсь, почему люди обсуждают это так долго и сложно, хотя, мне кажется, ответ лежит на поверхности. Во-первых, не все репрессированные умерли, хотя были приложены большие усилия к тому, чтобы их умирить. Ответственность выражается в благодарности, а благодарность — в активной помощи им, их семьям, их детям. Это первое. Второе: во всевозможном увековечении памяти встопор, где это только возможно, в церковном прославлении. Однако только что в РГГУ закрыли центр устной истории, который этим занимался, т. е. все идет в обратном направлении. Между тем, ничего не нужно придумывать, немцы многое нарабатывали замечательно, нам бы только учиться. Но этого не происходит — потому что у нас не произошло никакой денацификации. Люди одновременно приходят детьми и внуками жертвам и палачам, и все боится огласки. Между тем, речь не идет ни о каком покаянии, ни о какой мистике, просто о верности фактам, и в этом уже будет ответственность. Никого не надо осуждать, никого не надо судить. Уже умерли последние, несколько не осужденных, не пострадавшие Молотов и Каганович, никто их не тронул. Но нужно просто назвать имена, просто опубликовать документы, нужно все помнить.

Не может быть солидарности между жертвами и палачами. Если она возникает, это очень плохо. Поэтому сначала нужна ясность, только после этого может быть какое-то взаимное примирение и солидарность.

— Можем ли мы говорить не только о конкретных исторических, политических причинах тех или иных событий, но о духовных смыслах тех или иных периодов истории? Например, если говорить о 1937 г., был ли духовный смысл в тех событиях, в смерти миллионов людей?

А.И. Шмаина-Великанова: Я думаю, что духовный смысл в истории есть. Вообще смысл есть у всего, как сказал Пастернак: «Жизнь символична, потому что она значительна». Смысл есть в жизни, поэтому он есть и в истории. Этот смысл истории указан нам в Новом завете, как мне кажется, и выражается словами: «Ангел сказал: запиши сии суть истинные слова Божии: блаженны званые на брачную вечерю Агнца». История идет в Царство, она не идет неизвестно куда. И поэтому, я думаю, у самых чудовищных событий есть смысл, другое дело, что он совершенно нам не дан. И нам не нужно этого знать. В Евангелии мы слышим страшное, непостижимое слово: «о сем Дне Сын не знает». Т. е. можем ли мы знать что-то о том, о чем Господь сказал, что знать не нужно? Мы можем в какой-то мере пытаться увидеть смысл в нашем историческом отрезке, т. е. понять, что нам сейчас делать, и, конечно, ошибемся и, конечно, не угадаем, но хоть можем пытаться. А увидеть смысл громадных исторических событий, я думаю, нам не дано. Но я верю, что он есть.

— Как Вы считаете, может ли проводимая нами конференция способствовать решению обсуждаемых проблем?

А.И. Шмаина-Великанова: Я думаю, что она не может ничему помочь. И все-таки, как очень хорошо подметил Олег Игоревич Генисарский, это — «навигационно-стратегическая встреча». Я думаю, что если в чем и есть сегодня реальная соборность и солидарность или совместное действие, так это только в общинах — там, где люди могут встретиться, увидеть друг друга, обрадоваться, понять и поддержать друг друга.

Беседовала Наталья Игнатович
Информационная служба СФИ

НЕ НАДО СПАСАТЬ СТРАНУ, НАДО СПАСАТЬ ЛЮДЕЙ

Интервью с В.П. Аверчевым, депутатом Госдумы первого и второго созывов (фракция «Яблоко»)¹

«Кифа»: Владимир Петрович, занимаетесь ли Вы сейчас публичной политической деятельностью?

В.П. Аверчев: Не занимаюсь и из вполне принципиальных соображений, потому что невозможно заниматься тем, чего в России нет. Просто сейчас те люди, которые остались в публичном политическом пространстве, либо играют некую декоративную роль, либо маргинализировались в то, что сейчас называется оппозицией (я имею в виду Каспарова и др.), что, я считаю, совершенно неконструктивно.

«Кифа»: Чуть-чуть вернемся к тому времени, когда публичная политика вроде бы была. Политическая партийная деятельность в какой-то мере основывалась на солидарности?

В.П. Аверчев: Очень мало. В каждом случае, в разных партиях все было по-разному. Коммунистическая партия унаследовала в значительной степени аппаратный стиль работы; идея тоже была частью практики. Что касается «Яблока», там на определенном этапе было ощущение некой объединяющей идеи (она была в значительной степени идеей социал-демократической). Вообще «Яблоко» часто подозревали в социал-демократизме, с чем Явлинский яростно боролся, т.к. он всегда считал себя либералом. Я думаю, это одна из причин неудачи правых. Но, вообще говоря, политические партии, как и любые другие явления общественной сферы, представляют собой смесь идеализма, который обычно присутствует на первых порах, и личных политических амбиций. Как сказал один покойный американский сенатор, у политика есть две обязанности: первая обязанность — быть избранным, вторая обязанность — быть переизбранным.

«Кифа»: То есть даже ретроспективно искать в этой области какие-то вдохновляющие примеры солидарности затруднительно?

В.П. Аверчев: Я думаю, что да. Хотя, естественно, возникало чисто человеческие отношения. Возникают целые «сети» людей, которые воспринимают друг друга как принадлежащих какому-то общему делу, но я бы не назвал это солидарностью в той мере, в какой мы говорим о солидарности как сознательной готовности пойти на определенное самоограничение, выражаясь высоким стилем — жертву, смирение.

С этим в принципе всегда было очень плохо. Это универсальная ситуация, это не только российский феномен. Я помню, как мне жаловались британские лейбористы, которые говорили: «у нас такая палочная дисциплина». Члены британского парламента, они говорили: «у нас шаг вправо, шаг влево — расстрел». Как раз политическая демократия, политические свободы скорее вырабатывают жесткий тип партийных организаций. Там, где этого не было, я имею в виду европейских либералов, не было и никакого реального политического успеха, за исключением послевоенных немецких либералов. Но ни у французских, ни у английских либералов — хотя в Англии давние либеральные традиции — реального успеха не было.

«Кифа»: Получается замкнутый круг: с одной стороны, и вы об этом говорите, нет людей, нет лидеров, нет «прогрессоров», носителей новых смыслов, поэтому среда не меняется. А с другой стороны, откуда же они возьмутся, где та среда, где они вырастут?

В.П. Аверчев: Есть две принципиальные вещи: во-первых, очень важен сам разговор, который здесь идет², пусть он иногда звучит пессимистически. Но прямое признание неспособности, прямое признание отсутствия по большому счету общественной солидарности — это близко к тому, что отец Георгий Кочетков говорил о покаянии. Что такое покаяние в таком контексте? Покаяние — это взгляд в глаза реальности. Это значит до конца осознать и осмыслить свою ситуацию. И, действительно, это требует мужества. Отказ от привычных и сейчас все чаще и чаще звучащих вскрипов по поводу русской душевности и духовности (когда люди, не успев ничего сделать, начинают немедленно гордиться всем этим) и готовность взглянуть в глаза реальности — это первый шаг к выздоровлению. Это психоаналитическая работа, если угодно, но применительно к обществу, и без этого первого шага второй шаг невозможен. Сам разговор, происходящий здесь, в этом смысле очень важен. И второе, что важно — есть некоторое предощущение того, что наше общество прошло некий цикл, он закончился, и на старте новый. Если не провести серьезную работу над собой, если не осознать до глубины, что произошло, не поставить точный диагноз, есть опасность, что в следующем цикле повторится то же самое.

«Кифа»: Наверное, даже хуже?

В.П. Аверчев: Ну, в общем, это каждый раз будет хуже. Вот Вы упомянули, что нет лидеров. Может быть, и слава Богу, что сейчас их нет. Потому что всякие «харизматики» в условиях такого состояния общества очень легко могут вернуть общество в очередную «войну всех против всех», породить социальные конфликты. Сейчас, я боюсь, наше общество не готово пойти за харизматическим лидером именно в силу состояния общества. Поэтому лучше не надо, лучше другой путь — долгий, но

более надежный — путь практического социального действия, практического опыта солидарности, как, в частности, те братства, которые здесь присутствуют.

«Кифа»: В контексте разговора о социальных надеждах примеры братств, общинного движения могут быть чем-то обнадеживающим?

В.П. Аверчев: Да, бесспорно, потому что это реальные примеры.

«Кифа»: Несмотря на маленький размер?

В.П. Аверчев: Ну, не такой уж и маленький. Они не могут быть массовыми, но их должно быть много. Они должны появляться по всей стране. Но ведь это довольно сложная штука, — такие общины. Потому что гораздо проще люди объединяются или «против», или в связи с какой-то конкретной проблемой: обманутые вкладчики, обманутые дольщики, автомобилисты, — это функционально очень четко, ясно, это объединение вокруг интересов. В братствах, на самом деле, очень высокий уровень объединения, потому что это объединение в Боге.

«Кифа»: Незаинтересованное объединение.

В.П. Аверчев: Да, и оно может заниматься всем, чем угодно. Оно может заниматься автомобилистами, благотворительностью, оно может заниматься дольщиками, но при этом оно никогда не исчерпает себя. Любое из этих конкретных направлений деятельности никогда не исчерпает того, что объединяет этих людей.

Горный путь. Акварель. 1917 г.
Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария (Скобцова)).

«Кифа»: Что бы Вы в связи с этим нашему движению могли пожелать, порекомендовать или посоветовать?

В.П. Аверчев: Я ничего не могу ни рекомендовать, ни советовать, я не считаю себя вправе. Поэтому единственное, что можно пожелать — чтобы это движение продолжалось и развивалось, преодолевая опасности, которые, я думаю, существуют всегда, потому что всегда присутствует та тонкая грань, перейдя которую можно свалиться в сектанство. Это главная угроза, которая всегда существует в таких движениях. Отец Георгий не допустит этого. Но мало ли что и как может случиться — в такой соблазн очень легко упасть.

«Кифа»: А что может быть противодействием?

В.П. Аверчев: Да ничего, кроме того, что нужно об этом помнить, и нужен самоконтроль. А больше тут нет никаких гарантий, рецептов, потому что, как всякий духовный опыт, духовное движение всегда связано с риском.

«Кифа»: Несмотря на мрачную действительность и такие же оценки этой действительности, несмотря на сделанные ошибки, все-таки у Вас ощущение, что мы стоим на пороге чего-то нового?

В.П. Аверчев: И это не означает, что это новое будет чем-то хорошим. Во-первых, тут ничего не гарантировано, а потом, это совершенно особая тема. Но мы видим завершение некоего цикла: от развала государственности — к ее возрождению в том виде, в каком оно произошло; от распада общественных связей — к восстановлению диалога власти с обществом в той форме, в какой это происходит. И матрица этих отношений у нас, к сожалению, не обнадеживающая, — мы видим, как это происходит, мы видим, как воспроизводятся какие-то стереотипы, модели поведения абсолютно советские. Но, тем не менее, это пройдено. Длится уже нечего, можно двигаться дальше — в сторону «социализма с человечес-

ким лицом» или куда-то еще, но двигаться, переходить на какой-то следующий этап.

Мне кажется, что здесь, на самом деле, все будет определяться не только и не столько нашим внутренним состоянием и состоянием нашего общества, сколько глобальными общемировыми, общеевропейскими кризисными явлениями. Мы жалуемся, что нет лидеров. Мы недовольны, глядя на нашу власть, но очень полезно при этом смотреть вокруг себя. А что, в Англии лучше? Или в Германии лучше? Во Франции они сейчас на Саркози надеются, и то могут очень быстро разочароваться. А в Англии полная депрессия и пессимизм, в Скандинавии полная депрессия и пессимизм. Это общевещное явление, мы принадлежим к этой европейской цивилизации, что бы там ни говорили наши евразийцы. И при этом происходит встреча с очень динамичной, очень уверенной в себе мусульманской цивилизацией, и это будет важной составной частью того, что нас ждет. У нас это в других формах, и, тем не менее, это так же, как и в Европе, и при том, что в Европе гораздо более высокий уровень готовности к со-жизнелю, сосуществованию в силу того, что у них наработаны модели терпимого отношения к окружающим, начиная с соседей. У нас ничего подобного нет, у нас с терпимостью очень плохо.

«Кифа»: Ну, это отдельный разговор. Отношению к странникам, иностранцам, эмигрантам в Библии уделяется большое внимание. Поэтому, скажем, итальянские католические движения именно на этом основании занимаются проблемами эмигрантов на всех уровнях: и на уровне парламента, и на уровне местного самоуправления, и на уровне каких-то благотворительных учреждений. Наверное, этот разговор сейчас не надо начинать, хотя он очень важен. У нас в обществе и в церкви нет какой-то системы отношений к пришельцам, приезжим. От этого вопроса невозможно никак уйти, потому что есть целые деревни и малые города, где живут просто одни эмигранты.

В.П. Аверчев: Да, в Центральной России. Поэтому что полное обезлюднение. И деревни, кстати сказать, заселенные азербайджанцами и чеченцами. И это еще все аукнется.

«Кифа»: Потом потребуется мечети строить.

В.П. Аверчев: Их и строят, и имеют право. Но возникает вопрос, а насколько общество готово, насколько церковь готова к такому сосуществованию.

«Кифа»: К примеру, тверской архиепископ может заявить на открытии католического прихода в Твери, имеющего еще дореволюционную историю, что-то вроде того, что «Тверь исконно православная территория, и мы не потерпим... и т.д.»

В.П. Аверчев: И этого будет все больше и больше. Уплотнение социального пространства, невозможность избежать этого контакта, взаимодействия несет в себе такие угрозы, потому что мы к нему не готовы. Европа привыкла к плотности. Попадаясь в Европу, там два часа туда, три часа сюда — максимальное расстояние. У нас восемьсот километров до ближайшего крупного города — Петербурга, и это совершенно другое пространство. В Белоруссии уже другое пространство, там тоже есть европейская плотность, а у нас нет, и это на уровне психологии на русских очень сильно отразилось. Мы так и не наработали некоторых моделей поведения. Поэтому я не знаю, чем все это кончится. Ну, по крайней мере, мы должны понимать, что это то, что нас ожидает.

«Кифа»: Уплотнение?

В.П. Аверчев: Да. А мир уплотнился. Мы еще здесь не очень ощущаем с нашим пространством, но мир-то очень сильно уплотнился.

«Кифа»: Он становится все меньше и меньше, плотнее и плотнее.

В.П. Аверчев: Да. Европейцы гораздо более приспособлены к этому.

«Кифа»: И вопрос советского школьника — зачем мне английский? — даже не вызывает улыбку, потому что а как же иначе.

Последний вопрос — в чем, по Вашему мнению, значение таких конференций?

В.П. Аверчев: Значение таких конференций прежде всего в том, что это разговор между собой...

«Кифа»: Он нужен?

В.П. Аверчев: Абсолютно. Это нужно всем присутствующим. Это нужно тем, кто приходит сюда выступать. Вы слышали, что говорил Алексей Георгиевич Левинсон? Для него, для неверующего человека, это важно. Люди должны увидеть, что они обсуждают действительно значительные вещи, важные не только для них, но и для страны. Они должны увидеть, что для людей, не входящих в их круг, но тем не менее известных, важно то, что они сделали. Это осознание своей социальной роли, общественной роли.

«Кифа»: А для большого социума?

В.П. Аверчев: Большой социум конференция не замечает, и не надо вообще от него чего-нибудь ждать. Не надо спасать страну, надо спасать людей.

18.08.2007. Беседа с Александром Буров

¹ Ныне — директор по исследованиям представительства British Petroleum в России. До избрания в Государственную Думу работал советником Посольства РФ в Соединенных Штатах.

² Интервью взято во время конференции «Христианская соборность и общественная солидарность», август 2007 г.

³ Руководитель отдела социокультурных исследований Аналитического Центра Юрия Левады (Левады-Центра)

О РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Окончание беседы с протоиереем Михаилом Меерсоном-Аксеновым о русском богословии XX века*

Ки́фа: Отец Михаил, каково, на Ваш взгляд, место о. Георгия Флоровского, В.Н. Лосского и о. Иоанна Мейендорфа в современном богословии?

О. Михаил: Во-первых, все трое очень разные богословы. И, прежде всего, их нельзя ставить в одну линию.

Начнем с о. Георгия Флоровского как самого старшего. Это ученый и с гуманитарным, и с научно-естественным образованием. В университете, кажется, он пишет работу для Павлова, потом — диссертацию о Герцене. Типичный русский интеллигент из духовного звания, живущий и интересами, и идеологическим климатом своей эпохи. Одна из его первых публикаций, чуть ли ни первая — библиография Владимира Соловьева. Значит, в его обращении к богословию Соловьев сыграл свою роль. К богословию православному он приходит уже в эмиграции. Его приглашают в Свято-Сергиевский институт на кафедру патристики, которую должен был занять Лев Карсавин, но по личным обстоятельствам не смог. И здесь о. Георгий пишет свое исследование о восточных отцах Церкви.

Конечно, главный его труд — это «Пути русского богословия». Это замечательная книга, но можно ли ее назвать научной? Такую книгу не пропустят ни в одном колледже или в университете в качестве даже курсовой работы: там нет сносок. Список литературы в конце. При всей своей уникальности она не отвечает критерию научного исследования, по которому читатель может найти сноски и сравнить их с выводами и заключениями автора. Поэтому после его выхода в Свято-Сергиевском институте смотрели на него с недоумением. Надо сказать, что о. Георгий это понимал, так как тормозил перевод второй ее части (именно с критикой русского религиозно-философского возрождения) на английский язык. Об этом мне говорил Андрей Блэйн, его переводчик и автор книги о нем, когда я спросил, почему они не переводят вторую часть.

О. Георгий был уникально эрудированным человеком, и я, конечно, припадал к его стопам. Учас в семинарии, ездил к нему довольно часто. К тому же тогда он был единственным специалистом по русской религиозной мысли, которая меня всегда интересовала и о которой я хотел писать. Я показал ему свой диплом, и он сказал: «Да, Вы знаете материал, а Вас могу взять. Но я сам не преподаю. Поэтому я могу направить Вас либо в Принстон к одному моему ученику, либо в Колумбию к другому. Хотя они этой темой не занимаются. Вы у них сможете писать об этом под моим руководством». Но я уже учился в семинарии, а совмещать эту учебу с аспирантурой в университете было невозможно. После семинарии я тоже не спешил поступать: я там написал свой первый диплом об о. Сергии Булгакове. При всем своем уважении к Флоровскому я с его оценками не соглашался, делал другие выводы и сознавал, что писать на эти же темы по-другому под руководством Флоровского мне будет трудно, а то и невозможно. И я все тянул с поступлением и тянул, а тут о. Георгий и умер в 1979 году. Он служил свою последнюю литургию, говорил последнюю проповедь в моей церкви: его привез буквально за неделю до смерти Андрей Блэйн. О. Георгий уже еле-еле стоял и с трудом дослужил ее до конца, а его поддерживал физически.

Хотя он уникальный историк русской культуры и его «Пути» по-своему шедевр, с его выводами относительно русской религиозной философии нельзя согласиться. По моему мнению, «патристический синтез», которым он взялся ее корректировать, в ней самой и начался. Ведь и Соловьев, и о. Павел Флоренский опираются на патристику. И тот и другой, между прочим, из университетов пошли учиться в духовную академию, именно с целью изучать отцов.

У о. Георгия Флоровского масса интересных и нужных сведений в различных областях истории православия и культуры, но я не нахожу в его собственно богословских работах (может быть, из-за того, что я не все читал) каких-то реальных ответов на вопросы современности. Он прекрасно обобщал некоторые вещи, но это не богословский прорыв, который мы находим у тех же Флоренского и Булгакова, которых он критиковал. Его «неопатристический синтез» — это призыв: давайте проверять все в контексте предания, но ведь и Флоренский, и Булгаков по-своему делали именно это, ставили современную им мысль в контекст православного предания, в том числе и литургического.

Конечно, о. Георгий старался умерить выходящую из берегов софиологию о. Сергия Булгакова, — но это особая тема, и я сейчас не хочу ее касаться в богословском аспекте, потому что плохо ее знаю, а богословские мы не понимаем. У меня есть свои подозрения, откуда она произошла исторически, но говорить об этом преждев-

ременно. У о. Сергия меня интересовали другие темы, которых у него множество, притом все актуальные для православия, оказавшие и продолжающие оказывать огромное влияние на последующую православную и обще-христианскую мысль. О. Сергий Булгаков — это гора, уходящая за облака. Так вот, скажу лишь несколько слов о богословской правомерности его софиологической темы.

Древнейшие русские соборы — Киевский, Новгородский — носят ее имя, конечно, вслед за великой Софией Константинопольской. На Руси много софийных икон. Из Ветхого Завета на паремиях (за богослужением) читаются в основном книги Премудрости — Софии. Почему возникла эта тема, очень понятно. Она составляет огромный пласт русской церковной культуры, не освещенный богословом. Булгаков, человек, болеющий Россией, вводящий в свое богословие литургику, пытался освоить этот пласт русской церковности и начинал это делать в контексте философии культуры еще в своей ранней книге «Философия хозяйства». Американский ученый Поль Вальер считает, что русская софиология — это православный диалог с современной цивилизацией, с культурой как таковой. Софиология — это преображенная сфера человеческой деятельности, человечности как таковой.

В самом грубом варианте это можно описать следующим образом (как я это понимаю). Допустим, в идеальном случае мы с вами умираем и каким-то образом попадаем в рай. Ну и чем мы там будем заниматься? Для протестантов все очень просто: мы присоединяемся к огромному небесному хору и поем гимны всю вечность. Для католиков в некотором смысле тоже просто: мы получаем «блаженное видение», будем вечно созерцать Божественную бесконечность. Т.е. один будет вечно петь, другие будут вечно созерцать. А что делать православным?

Русское богословие богочеловечества, в частности, Булгаков в своей софиологии, вводит тему теургии — богочеловечества, богоделания. В восприятии человек не отрешается от своей человечности и присущей ей деятельности, но она преображается, становится полностью «софийной», она отрешается от присущей нам греховности и себялюбия и пронизывается всей Божественной премудростью. Хотя человек становится «как ангел», он не превращается там в ангела. Иначе зачем человека протаскивать через телесность? — чтобы потом он вернулся в ангельское состояние? Человечность остается, она сохраняется вся, преображенная, вошедшая в вечность. Сфера обожествленной человечности, освященной Духом Святым, воскресшей — есть сфера софийная. Таков теологум о. Сергия. Между прочим, в Свято-Сергиевском институте так и относились к его софиологии как к теологуму, именно как к богословской гипотезе. Его критиковали с точки зрения профессиональной (лучше всего его собственные коллеги — тот же о. Георгий Флоровский, прот. Четвериков, из философов — Бердяев).

Теперь относительно осуждения о. Сергия Булгакова. В нем поражает даже не столько некомпетентность, сколько отсутствие церковной формы самого осуждения, советский стиль доноса, секретности и обвинения не в действительных ошибках, а в том, что из них якобы могло бы произойти. В этом деле, правда, участвовал Владимир Лосский, ставший позднее крупным богословом. Но в то время он был еще молодым человеком, ничего еще не написавшим, и находился под влиянием некоего Алексея Старовского, ничем себя не прославившего, кроме доноса на о. Сергия и Сергиевский Институт. По свидетельству Николая Зернова, Старовский был человек авторитарный, требовавший от членов братства, которое он организовал сам, безоговорочного подчинения его главе, т.е. самому себе. Лидия Бердяева по этому поводу писала, что не ему было судить о. Сергия Булгакова, у которого, он, между прочим, завалил экзамен и потом ушел из института и организовал эту полусекретную организацию, чтобы «бороться с врагами православия». С его точки зрения, Свято-Сергиевский институт был врагом православия. Они написали донос митрополиту Сергию (Страгородскому) в 1935 году. Нашли время и место. Русская Церковь, которая была уже вся почти разрушена, подходила к последнему рубежу. 1937 год — конец безбожной пятилетки, принятый в 1932 году, когда началось систематическое закрытие церквей и монастырей и уничтожение духовенства. Партия поставила целью за пятилетку искоренить все религиозные предрассудки. Как их лучше искоренить окончательно? Уничтожить их носителей. Вот в 1937 году всех и стали расстреливать, от тихоновцев до обновленцев. Но уже и в 1935 году митрополиту Сергию нечем было управлять, оставалось наводить церковный порядок в русской эмиграции. Так как трудов Булгакова у него не было, то он полагался на суждение Старовского и молодого Лосского.

Почему эти два молодых человека не нашли лучшего занятия, чем писать местоблюстителю Московского патриарха о том, что в Париже завелась какая-то ересь... В Париже я подружился с Варшавским, автором книги «Незамеченное поколение». Это книга о его поколении, о русских детях, эмигрировавших в подростковом возрасте, на всю жизнь сохранивших этот надлом, не

успевших сформироваться на родине, потерявших психологически на чужбине, не могущих найти себе места.

Владимир Лосский относился к этому «незамеченному поколению», к тем, которые не могли простить своим отцам, что те «прохлопали» Россию. Хотя они, может быть, в меньшей степени, чем кто-либо другой, были в этом повинны. Европа 20-х годов после Первой мировой войны сама была потеряна. После всемирного кровопускания ей не было дела до русских эмигрантов. Взрослые люди это понимали и несли свой крест. А дети, вот эти подростки, испытывали глубочайшую потерянность и обиженность. Не случайно Лосский потом пошел в Московскую патриархию, причем не когда-нибудь, а в то время, когда от церкви уже ничего не оставалось. Этот был некий афронт против отцов. «Вот вы здесь сидите, а я русский человек, я все равно пойду к ним, это моя родина, что бы там ни творилось».

Владимир Лосский стал крупным православным богословом. Но он писал по-французски, для французов. И его книги — это обобщения, популяризации идей того же русского возрождения, тех же «отцов», но прилинные, причесанные «для инославных», «для иностранцев». Его «Мистическое богословие», «Догматическое богословие» — это очень полезные, хорошо и правильно написанные компе́ндиумы из идей, которые можно вычитать у Бердяева, Флоренского, того же Булгакова, Франка и др., но идеи, которые он сгладил и, так сказать, «оперковил». Я считаю, что такое сглаживание абсолютно правомерно. Но меня интересует богословие именно на стыках философских и богословских исканий, там, где торчат «концы». Потому что тогда видно «лабораторию». Когда ты все пригладил, то многие вещи становятся непонятны и неясны, откуда что берется.

И вот Лосский создает свой богословский синтез на основании уже существующих разработок. Он не очень о них упоминает, но очень на них ссылается. Но человек, который читает философию Серебряного века, который знает произведение его отца, Николая Лосского, Франка, Булгакова, Бердяева, Флоренского, кн. Евгения Трубецкого, все их темы легко у него находят. Лосский их синтезирует и придает им в общем-то нормальный, интеллигентный, немножко разжиженный, на мой взгляд, вид для западного потребления, для людей, которые не знают ни православия, ни источников его собственной мысли. (Православие на Западе до сих пор — экзотика). Почему мне интересно читать русскую религиозную философию, Флоренского? Потому что это все еще лаборатория мысли, богословской мысли. В лабораторию ты приглашаешь студентов, аспирантов, и там они учатся. А когда ты показываешь внешним свой университет, показываешь готовый продукт. Лосский показывал готовый продукт — православие. Однако православие — не готовый продукт. Сегодня его надо объяснять всем, и прежде всего своим — православным, потому что другим до него, по-настоящему, нет дела. А православные православием считают что кому в церкви больше понравится: мне одно, тебе другое, а многие вообще не понимают, что это такое и зачем нужно. Так вот Свято-Сергиевский институт начал систематическое и свободное исследование, что такое православие, начал его заново открывать. Он сделался его открытой лабораторией.

Наконец, отец Иоанн Мейендорф, который был одним из ведущих деятелей православия и в Америке и в мире. Он — ученый-византист. Он исследователь, творческий исследователь, но он не ставил перед собой задачи нового богословского синтеза. Однако он поднимал пласты богословия, которые никому не были известны. Это среднее и позднее византийское богословие, а в поздневизантийском богословии св. Григорий Палама, паламизм.

О. Иоанн, собственно говоря, — исследователь новых тем в древней и забытой богословской традиции, который эти темы сделал снова современными. Он и богочеловечество показывает в византийском богословии ипостасного союза, и евхаристическую экклезиологию у Кавасилы.

Научная, церковная и преподавательская деятельность отнимала у него все силы, но он писал и вводные статьи, так сказать, катехетического порядка, обращаясь к современности, например, такие как «Проблема брака в современном мире». Он вел огромную научную и пастырскую работу — честно, добросовестно, с огромным трудолюбием. Меня всегда поражало, как много он успевает. Он ведь был не только моим профессором

Продолжение на с. 7

* Начало беседы с прот. Михаилом Меерсоном-Аксеновым, настоятелем храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, в Кифе N10(68)

ОН ВСЕГДА ЖДАЛ ОТ СВОИХ УЧЕНИКОВ ГОТОВНОСТИ СЛУЖИТЬ ЦЕРКВИ

Протоиерей Александр Ранне рассказывает о митрополите Никодиме (Ротове)

Продолжение беседы. Начало на сс. 1-2

— Отец Александр, еще мы хотели бы попросить Вас рассказать о митрополите Никодиме (Ротове), которого Вы, как мы слышали, хорошо знали. Конечно, есть книга, ему посвященная, и мы слышали рассказы о нем от протопресвитера Виталия Борового, но все же мы хотели бы попросить Вас поделиться воспоминаниями — каков был владыка в жизни.

Прот. Александр Ранне: Я был его подопечным. Мне сейчас уже почти 56 лет, а владыка Никодим умер, когда ему было 48. Но я себя чувствую мальчишкой перед ним. Иной раз задаешься вопросом, как бы владыка Никодим смотрелся сегодня, как бы участвовал в жизни современного общества? Ведь, конечно, то время, в которое я его знал — 70-е — 80-е годы, — и сегодняшнее время — это совершенно разное дело, и Вам даже, наверное, и не представить это никак. Я объясню это на своем собственном примере. Мой отец и его друзья приехали в Ленинград после войны из Эстонии. И у них в памяти сохранились еще те предвоенные школы, которые оставались в Эстонии в предвоенное время. Я помню, как во время их дружеских бесед один из них, солидный такой протоиерей, сказал: очень хочется дожить до времени, когда я смогу преподавать детям Закон Божий... Было это где-то в конце 80-х годов. А где-то в 75 году, когда благодаря владыке Никодиму активно развивались наши отношения с Финской православной и с Финской лютеранской церквями, и власти этому не препятствовали, потому что церкви в Финляндии — и православная, и лютеранская — имеют государственный статус, и это было выгодно для отношений с соседней страной, мы в рамках Синдесмоса поехали в Финляндию. Я был семинаристом. Мы в первый раз за границу приехали, всё было чрезвычайно необычно и интересно, мы были молодые люди, и как-то очень быстро забыли, что мы из Советского Союза. Нас возили по Финляндии, показывали молодежные лагеря, детские лагеря, для нас было вообще непонятно, как этим можно заниматься. И потом вдруг к нам подошли корреспонденты, просили дать интервью: как вам понравилось?

Ну, я сразу и сказал: все замечательно, мне особенно детский лагерь понравился, очень хочется, чтобы у нас такой был.

Ну, сказал и сказал. И уехал.

Приехал в Советский Союз, и вдруг подходит ко мне секретарь финского консульства, (была у нас такая хорошая знакомая, она всегда переводила на церковных встречах и, на мое счастье, иногда в Петербург и в Москву приезжала) и говорит: «Что ты там сказал-то? Ты что? Не боишься?» Я, уже окуренный в свою дей-

ствительность, понял и говорю: «Родная, измени что-нибудь там, пожалуйста».

Сегодня смешно даже вспоминать — ну, что я там такого особенного сказал? Но в те годы это было невозможно.

И, конечно, тогда митрополит Никодим был человеком, который, с одной стороны, понимал реальность, в которой ему приходилось спасать церковь, а с другой стороны — он знал, куда он её ведёт. Это был человек планетарного мышления. Он был очень большим патриотом России. Даже не буду рассказывать почему. Он был выходцем из глубины Рязани, прекрасно знавшим славянский язык (он сочинял службу по-церковнославянски, сам писал), любившим проповедовать в «византийском» стиле. Из этих проповедей, конечно, мало что можно было вынести, потому что витиеватые фразы, из которых он строил проповеди, были чрезвычайно тяжёлыми для человека, пытающегося вынуть в то, что он хотел сказать. Мысли были у него очень глубокие, иной раз сил не хватало, в частности, у меня, фразу по-настоящему до конца-то дослушать.

Он очень любил богослужение, любил его во всех его нюансах. Его очень раздражало здесь всякое небрежение, он вообще был раздражительный человек, но быстро отходил, и даже иногда мог попросить прощения.

Он очень любил гулять со студентами. У него день заканчивался очень поздно — в час ночи, и он всегда брал какого-нибудь студента с собой гулять по тёмному архиерейскому садику, который идет за академией по набережной до монастырского кладбища. Помню, что когда мне приходилось с ним там ходить, мы почему-то всегда останавливались там, где он сейчас похоронен — я только потом, когда его похоронили, это понял.

Во время этих прогулок говорили обо всем, в том числе и о вещах довольно-таки сложных. Он очень любил монашество, он очень болел душой из-за того, что у него не было монастыря (ему не давали его открыть). Он был настоящим монахом, и он считал, что священник должен быть несемейным, потому что он должен быть свободным для служения Церкви. Он не понимал, как так можно себя обременять себя семьей, если ты собираешься Церкви служить. Для него это было самое важное, так что когда мы с ним гуляли, он и меня склонял к монашеству, пояснял, почему это так важно для Церкви. Но я ему сказал: «Владыка, я сын священника, у меня была очень хорошая семья, и мне трудно понять — как так без семьи посвящать всю жизнь Церкви? А Вы гарантируете мне, что я буду бегать по

стране и служить Церкви всеми фибрами моей души?»

Он говорит: «Нет, не гарантирую».

«Тогда, если я в простом приходе окажусь и один совсем, что я там буду делать?»

И он тогда мне ничего не ответил.

Конечно, можно было сказать — ты должен молиться там, поститься и так далее. Но он прекрасно понимал, что перед ним был совсем мальчишка. Он был человеком, который понимал своего собеседника, умел его видеть и слышать.

Когда мне велено было поехать в Италию учиться, я задумал жениться. И он мне сказал: «Что же ты так торопишься жениться?» Он хотел, чтобы там, в Италии, поглядев на пример всех этих celibатов, я стал монахом. А я ему говорю: «Владыка, я хочу туда поехать священником». — «Поедешь священником». Для него, если он хоть чуть чувствовал, что человек думает не о себе, а о Церкви — это было всё. Он сам рассказывал, как когда-то в молодые годы, в Угличе, по-моему, это было, он был совсем молодым священником, только-только его рукополюжили, и правящий архиерей епархии, великий исповедник, который многие годы отсидел в лагерях, вызвал его и сказал: «Отец Никодим, у меня два прихода, они очень далекие — такой-то и такой-то — выбери». «А где престольный праздник ближайший? Туда и еду». Он не спросил — большой ли храм, маленький ли, далекий ли, на болоте ли, а — где престольный праздник? Вот это отличало его всегда, и этого он всегда ждал от своих учеников: готовности служить Церкви.

Новгород, июль 2007 г.

Вопросы задавали Сергей Озерский и братья и сёстры Крестовоздвиженского братства. В расшифровке и подготовке материалов участвовал Олег Андрианов

Продолжение. Начало на с. 6

и руководителем магистерской диссертации, но и настоятелем в течение семи лет. Богословски он полностью разделял эвхаристическую экклезиологию, созданную о. Сергием Булгаковым и о. Николаем Афанасьевым.

Все трое — богословы русской эмиграции, хотя и разных поколений, из них русскоязычный автор и то в Парижский период своей деятельности — это о. Г. Флоровский. Лосский и Мейендорф — авторы западные, один — француз, другой — американец, и обращаются к своим аудиториям. Но при этом каждый из них раскрывал свою новую область. Но в этом и есть смысл науки, в том числе и богословской. Нельзя же сказать, что одна область науки должна сопротивляться другой. Это будет безразличный, непрофессиональный и ненаучный подход. Вообще обвинение друг друга в ересь — это стилизация под ушедшую эпоху.

В Евангелии от Луки сказано: «И вышел указ (по-гречески «догма») от императора Августа...», чтобы каждый шел прописываться в свой город. Императорский указ — вот что такое догма. Когда Церковь удавалось поднести свое учение императору, он издавал указ, т.е. «догму» — вот это и есть православие. Но иногда, и довольно часто он ошибался, и делал «догмой», как мы помним, то арианство, то иконоборчество.

Сейчас нет императора, который ставит свою печать, издает указы ««догмы»». Настали другие времена. Сегодня все обсуждается на форуме университетов, академии, если хотите, интернета. Но значит ли это, что вообще не может быть ересей? Реально Церковь защищала две истинные веры: Божественную и человеческую природы во Христе и Троицу, Бога — Единого в Трех Лицах. С боговоплощением связана и вера в возможность Божьего человека изобразить — отсюда почитание образов — икон.

Все, что отрицает Троицу, все, что отрицает богочеловечность Иисуса Христа, воплощение Слова Божия — ересь. Но внутри веры Церкви возможны любые размышления — пожалуйста. Поэтому измена братской любви кивать друг на друга: это — ересь или то — ересь. Это как раз и есть неграмотная стилизация, которая неуместна, даже разрушительна для церкви. Определить ересь может только собор, и даже он может, с точки зрения православной церкви, ошибиться.

А что значит богословская самостоятельность? Самостоятелен ли Эйнштейн, самостоятелен ли Ньютон? Каждый открывает какие-то свои вещи, а другой на них строит. Знание науки едино при всем своем многообразии. То же можно сказать и о знании богословия. Ибо оно тоже строительство. У нас одна преемственность, одна традиция, огромная христианская традиция. В ней разные направления, и в ней неизбежно творчество, она движется. Церковь живет же! Конечно, у меня есть учитель, и я у него что-то беру, но что-то я добавляю свое. Как говорил научный руководитель моей жены: «Самый крупный специалист по Вашей теме — это Вы сами». Что такое защита диссертации? Ты показываешь, что научно разработал какую-то тему, которую до тебя никто не разрабатывал. Ты же не пишешь диссертацию на уже существующую, разработанную тему. Нет. Это твоё собственное исследование. Когда ты его исследовал и защитил свое исследование перед специалистами, которые говорят: «Да, по методике то, что Вы говорите — это научная работа, она отвечает критериям критического подхода», тогда ты получаешь свой докторат. Тогда ты сам — учитель, доктор. То же самое в богословии. Это живая область, у нее огромная история, слава Богу, самая древняя, три с половиной тысячи лет, если учесть и Библейскую традицию.

Православие, слава Богу, существует. И хотя мы поругиваемся, я вижу в православии вполне нормальный рабочий климат. Нет такого, чтобы Палаз и запретил какому-нибудь богослову писать. У меня в уме не укладывается, как такие вещи возможны. Мы же, хочешь ты того или не хочешь, живем в едином православном мире, над которым, по-моему, и до сих пор возвышается горой богословие о. Сергия Булгакова.

Санкт-Петербург, 28 июля 2006 г.

Беседовал Александр Буров.

В прошлый раз мы дали только краткую биографическую справку об авторе — прот. Михаиле Меерсоне. Сегодня мы хотим напомнить читателям те строки «Дневников» прот. Александра Шмемана, которые посвящены некоторым из встреч с молодым эмигрантом, только что приехавшим из России.

Среда, 12 декабря 1973 г.

Из Commodore еду в мизерный Hotel Latham, где ждет меня милейший Миша Меерсон, недавно приехавший из Парижа. Я встретился с ним в Париже в июне. Провел несколько часов с ним и с покойным Колей Кишиловым на съезде РСХД. Необычайно светлая личность, но, как и все «новые», Меерсон одержим идеей «миссии», у него свои проекты (центр, журнал и т.д.). Русский мальчик, вносящий поправки — уверенной рукой — в карту звездного неба. Это не самонадеянность, не гордость и даже не самоуверенность. Это плод подполья, необходимости годами и в одиночестве, в некоем безвоздушном пространстве, вынашивать идеи. Но порыв, чистота, идеализм — поразительные.

Понедельник, 17 декабря 1973 г.

Вчера после обедни и до шести часов вечера у нас — Миша Меерсон, и одна нескончаемая беседа — о России, о Православии, о Западе и т.д. Из него просто льются свет и чистота. Для меня особенно радостно — это наше согласие в том, в чем я так остро чувствую свое одиночество в Православии: в отталкивании от тех его «редукций», что нарастают на наших глазах и в России, и вне ее, от этого обожаемого — будь то «византизм», будь то «русизм», будь то «духовность» и т.д. Согласие в формуле христианства: «персонализм» и «историчность», их антинормативная сопряженность. Согласие в отрицании традиционного отождествления православности прежде всего с крестьянством, с природой, с «органичностью». Именно крестьянство растворило христианство в язычестве. Чудный разговор: удивительно, что только русские «оттуда» сохранили тайну этой беседы, этого разговора как действительно общения...

БОРЬБА СО ЗЛОМ – МИРНАЯ И НЕПРИМИРИМАЯ

В рамках прошедшей в августе конференции СФИ «Христианская соборность и общественная солидарность» участникам были представлены две новые книги

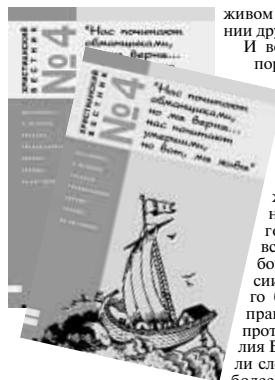

Юрский и многие другие. Конференция проводилась совместно с Российским государственным гуманитарным университетом и журналом «Вестник Русского христианского движения» и стала пятнадцатой в серии научно-богословских конференций, посвященных актуальной церковной и общественной тематике. Форумировка же была взята, практически без изменений, из известной статьи С.С. Аверинцева: именно он сформулировал задачу не забывать об опыте мирного и в то же время непримиримого противостояния тоталитарному режиму, еще недавно существовавшему на нашей земле. Сам Сергей Сергеевич эту формулировку отсылал к строчкам известного стихотворения Яна Твардовского, где в контексте не столько общественном, сколько духовном, христианском, церковном, говорится о Христе, который так непримирим и мирен. Эта тема, одна из важнейших в практике христианской жизни, в течение трех дней раскрывалась в самых разных своих аспектах – каноническом, фило-

софско-богословском, историческом, церковно-практическом. Сегодня наконец появилась возможность подробно ознакомиться с ходом этих совместных размышлений ученых и богословов, приехавших в те дни в Москву из многих городов и стран.

Второе издание является не менее долгожданным: это очередной, четвертый по счету, выпуск сборника документов из серии «Христианский вестник», издаваемой Преображенским сообществом малых братств. Документы, связанные с жизнью Русской православной церкви в период с 1998 по 2003 г. (многие из них опубликованы впервые), могут многое сказать внимательному читателю об этом периоде нашей недавней истории. Объем материалов, связанных с такими темами, как обсуждение богословских трудов священника Георгия Кочеткова в 2000–2001 гг., обсуждение книги прот. Павла Адельгейма «Догмат о Церкви», конфликт в Санкт-Петербургских духовных школах (2000 г.) и т.д., оказался столь велик, что сборник вышел в двух довольно объемных книгах. Замысел издателя серии во многом становится ясен из тех скупых комментариев, которые они себе позволили в заключении. В нем говорится:

«Размышление о том, что же такое Церковь, было на протяжении всего XX века центром богословской мысли. С началом нынешнего века оно не теряет своей остроты. Тяжелые, иногда невыносимые испытания, через которые прошли те, о ком рассказывает этот сборник, связаны прежде всего со стремлением найти ответ на это вопрошание не только в богословских исследованиях, но прежде всего – в своей собственной жизни. За стремление быть в жизни Церкви участниками, а не зрителем, войти в полноту Ее традиции, жить в Ней вместе, преодолевая «ненавистную рознь мира сего», а не каждому в своем уютном утолчке, действительно приходится подвизаться и сражаться, иногда «до крови». И слишком часто те, кто сталкивается с этим, ломаются и «гаснут». Только долгий опыт сопротивления может здесь помочь. А еще вернее – навык жизни в

живом церковном общении друг с другом.

И все-таки то, что до поры до времени существовало лишь на страницах экзекзисологических исследований, начинает все прочнее входить в нашу общую жизнь, и не случайно именно в эти годы на одной из встреч Синодальной богословской комиссии из уст крупнейшего богослова Русской православной церкви, протопрезвитера Виталия Борового, прозвучали слова о новой и наиболее действенной общинно-братской экзекзисологии. Говоря о том, что именно в ней – надежда на возрождение церковной жизни, о. Виталий выражал надежду очень многих людей, пока еще, может быть, не умеющих ясно выразить то, что они предчувствуют и чего ожидают.

И поэтому в заключение этого столь трудного по своему содержанию сборника хочется сказать: «Дай же Бог, чтобы эти надежды сбылись! Дай же Бог, чтобы все добрые стремления и все испытанные страдания принесли во время благоприятное свой плод! Дай же Бог, чтобы силой Креста и Воскресения Христова возродилась – не в позолоченных бревнах, а в нас и посреди нас – в полноте своей жизни церковь».

Александра КОЛЫМАГИНА

Т. Хендра. Отец Джо / пер. с англ. О. Деметриевой – М.: Гастри, 2006 – 336 с.

«Отец Джо» – автобиографический роман Тони Хендра, зубра, как сказано в аннотации, британско-американской журналистики. Впрочем, в книге практически не говорится ни о скандальном нью-йоркском сатирическом журнале «National Lampoon», чьим отцом-основателем числится Хендра, ни о его работах режиссером и сценаристом.

Поскольку в фокусе повествования – духовная жизнь автора, центром которой является отец Джо, он же – о. Джозеф Уориллоу, монах-бенедиктинец.

Знакомство с ним у юного Тони началось после любовного приключения в жанре адольтерия. Наставник подростка в вере (он же – пострадавшая сторона) с целью «разрешить возникшее затруднение» привозит Тони в монастырь Квэр, расположенный в Великобритании.

Автор подробно описывает первые впечатления о подвижнике: ноги с невыразимо плоскими ступнями в сандалиях, шишковатые большие розовые руки, тощая шея, тянувшаяся из поношенного черного воротника, старомодные очки на мясистом треугольном носу. И венчают все это великолепие гигантских размеров уши.

Под стать визуальному образу – и духовные жесты священника, выходящие за общепринятые схемы. Он не проповедовал в лоб, не требовал присутствия на службе в Страстную пятницу и решительно повел дело

так, что между ним и четырнадцатилетним мальчиком (ожидавшим встретить инквизиторство) установились простые доверительные отношения.

Отец Джо умел слушать и слышать. И еще – реагировать на происходящие события так, как воспринимали их собеседники, чувствовать контекст. При этом он оставался немного наивным, вполне традиционным человеком, любившим латинскую мессу и григорианские распевы, орган и французскую кухню.

Дружба с монахом заставила автора всерьез задуматься о христианстве и погрузиться в богословские глубины.

«Когда Бог улыбается душе и душа в ответ улыбается Богу, тогда зарождаются образы Троицы. Когда Отец улыбается Сыну, а Сын в ответ улыбается Отцу, эта улыбка рождает удовольствие, удовольствие рождает радость, радость рождает любовь, а любовь рождает образы Троицы, один из которых есть Святой Дух». Это высказывание средневекового немецкого мистика Майстера Экхарт встречается в книге трижды и служит своеобразной духовной вертикалью, на фоне которой происходит действие.

До поступления в Кембридж автор намеревался стать послушником в Квэре, но после года учебы круто изменил свои планы, увлекся театром, сатирой. Более того, постепенно утратил веру. И только тоненькая нить, связывающая его с монастырем, позволила ему не упасть в пропасть.

Отец Джо всегда оставался на связи – в письмах, по телефону, в редких встречах на подерживав готовую оборвать внутреннюю, сердечную жизнь Тони. И в результате помог ему понять и принять его подлинное личное призвание – не к монашеству, а к ответственности семейной жизни. Так Хендра вместе со своей семьей вернулся в церковную ограду.

Последние главы книги, посвященные смерти отца Джо, не могут не вызвать у внимательного читателя недоуменного раздражения по поводу выполненной в «рекламном» стиле аннотации (она заканчивается словами: «даже загадки, разрешившиеся только после смерти отца Джо, не исчерпали его тайны»). Многим из нас хорошо знакомы совсем не «загадочные» и не «таинственные» примеры того, о чем лишь после ухода своего духовника с удивлением узнает автор. Оказывается, к отцу Джо ездили сотни людей – не только миряне, но и многие клирики, – с каждым из которых он подерживал глубокие, личные, уникальные отношения. Судя по всему, он играл в католическом мире роль старца, какую играл в православии, например, отец Иоанн (Крестьянкин). И нельзя сказать, что его духовная практика при всей разнице западного и восточного менталитетов и традиций сильно разнилась с православной. В иных обстоятельствах легко можно было бы представить, скажем, покойного о. Георгия Чистикова на сельникем Квэра, беседуя о поэзии Пастернака с приехавшим из России бизнесменом имя рек. Да, мы знаем примеры того, как такая духовность иногда дает сбои и заводит «не туда». Но в этом нет вины отца Джо.

Духовный путь, проделанный Тони Хендра, достаточно стандартен. Тем интереснее проследить работу этого стандарта в христианской традиции, оценить проблемы экзистенциального плана, возникшие перед творческим человеком. Было ли у Хендры духовное призвание? И не отверг ли он его, отказавшись стать послушником? По логике повествования получается, что нет. Хотя сердце подсказывает, что «да». Тогда возникают и другие вопросы – о возможности самореализации, об использовании творческого дара.

Борис КОЛЫМАГИН

НА САЙТЕ WWW.GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50
© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
Электронная версия газеты:
http://gazetakifa.ru

Над номером работали:
Анастасия Наконечная,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 26 сентября 2007 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00
Дата выхода в свет 28 сентября 2007 г.

Нашу газету можно приобрести
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769
(Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова),
158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Севастопольск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);
Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)